

призраки ЗАЗЕРКАЛЯ

Дея Нира

Осколки реальности

Дея Нира

Призраки Зазеркалья

«Автор»

2023

Дея Нира

Призраки Зазеркалья / Дея Нира — «Автор», 2023 — (Осколки реальности)

Двоюродные сестры, рассудительная Женя и мечтательная Рита, живут в центре Петербурга в коммунальной квартире дома, построенного в позапрошлом веке. Женя терпеть его не может и мечтает переехать. Но случается непредвиденное: сестра меняется на глазах и начинает вести себя подозрительно. Откуда эти галлюцинации и голоса? И что не так со старинным зеркальным шкафом в их комнате?

© Дея Нира, 2023

© Автор, 2023

Дея Нира Призраки Зазеркалья

*Все персонажи и события рассказа являются вымышленными,
любые совпадения – случайны.*

Идея повести пришла ко мне много лет назад.

Тогда мы еще жили в коммунальной квартире. Центр Петербурга в 90-е годы ими особенно изобиловал. Дом – роскошный, огромный – когда-то находился в разряде доходных.

С наступлением темноты зажигались старинные фонари во дворе. Порывистый ветер раскачивал их, отчего рождались причудливые тени. В комнате, куда проникал свет от фонарей через большие арочные окна, стоял один шкаф, встроенный в стену. Уж и не знаю его дальнейшую судьбу, но для разыгравшегося воображения этого всего оказалось достаточно, чтобы придумать такую историю...

Над Петербургом от края до края зависло хмурое свинцовое марево.

Дождь низвергался потоками, отчего бушующие струи воды нещадно заливали город. Особенно доставалось его жителям, очутившимся на улицах без спасительных зонтов.

Евгению ливень застал незадолго до того, как она забежала в свою парадную и теперь поспешно поднималась по лестнице бывшего доходного дома, мечтая о горячем какао.

Оглядывая испещренный сколами пол с метлахской плиткой, о которой с придыханием любят рассказывать местные, Женя поморщилась.

Девушка не понимала и не разделяла их восторга по отношению к старым домам с облупленными стенами, почерневшими от копоти фасадами, затертыми от сотен прикосновений перилами и дребезжащими лифтами, куда страшно было зайти порой. Поэтому предпочитала подниматься пешком по каменным ступеням, избегая касаться как стен, так и перил. Запах в таких домах часто витал одинаковый, и девушка терпеть его не могла. Пахло не то старой древесиной, не то затхлостью.

Ей нужно потерпеть немного, прежде чем она накопит денег и сможет позволить себе снять жилье в новостройке. Пусть это будет крошечная комнатка с пластиковыми окнами и ламинатом, зато без мерзкого запаха, вызывавшего у нее отвращение, без скрипящего паркета и многовековой пыли, прочно въевшейся в полы, потолки и двери.

Конечно, она испытывала благодарность к двоюродной сестре Маргарите за то, что та приютила ее и не поставила при этом никаких условий. Напротив, сестра уверяла, что рада помочь и Евгения не помешает ей.

Так ведь веселее!

Рита жила в коммунальной квартире огромного дома, построенного еще в конце XIX века, со всеми причитающимися такому зданию особенностями. Комнату ей купили родители, чтобы у нее было свое жилье в Петербурге, куда она приехала из небольшого городка на севере. В отличие от Жени, она обожала старые дома, лепнину на потолке, историю и музеи, и жизнь в коммуналке не вызывала у нее тошноты.

Женя особенно не расспрашивала сестру, где та живет, но даже не предполагала, что ей настолько не понравится новое жилище, поэтому сразу же перевела его в разряд «временных». Облезлый фасад с осыпающейся штукатуркой явно видал лучшие времена, как и покрытые подозрительными зеленовато-серыми пятнами полуобнаженные гипсовые фигуры.

Но больше всего Евгению ужасали многочисленные коммуналки, в которых ютились их жители. В одной из таких ей и предстояло провести ближайшие месяцы, где проживало несколько семей.

К счастью, это были приличные люди, и Рита уверяла, что с соседями еще очень повезло. Но Женя, несмотря на оптимизм сестры, с унынием выглядывала в длинный широкий коридор с мигающей лампочкой, где в самом конце располагалась ванная комната, которой редко случалось быть свободной. Пусть соседи и приличные, но и ванну они тоже частенько на приличный срок занимали.

Остатки былой роскоши мелькали здесь и там – в виде старинных латунных ручек, почерневших по углам витражей, обламывающейся лепнины на пятиметровых потолках. Квартирой, в которой они жили, когда-то владел именитый архитектор, построивший этот дом, и Рита, безмерно любившая Петербург, невероятно этим гордилась. Кажется, его черно-белая фотография в круглой бронзовой рамке даже украшала ее тумбочку.

Жене было совершенно все равно, кто здесь жил. Достаточно того, что сейчас это облезлая коммуналка со старыми пожелтевшими от времени обоями и запахом, от которого ей казалось, она никогда не отделается.

– Почему нельзя сделать самый обычный, простенький ремонт? – спрашивала она у сестры, когда они усаживались у огромного окна, чтобы выпить чаю и посмотреть на ночной город. – Здесь сразу станет приятнее.

Рита пожимала плечами.

– Квартира хоть и старая, но все делают уборку по очереди. Грязно не бывает.

Евгения с сомнением косилась на потемневшие от времени щели между паркетными досками:

– А у меня чувство, что мы тут задыхаемся от вековой пыли. Как ты сама этого не видишь? Маргарита с улыбкой отвечала, что она этого не замечает и что если отремонтировать квартиру, то она потеряет свой шарм.

– Конечно, – фыркала Женя. – И тараканов.

– Не наговаривай, – в шутку обижалась сестра. – Тут их давно нет.

– Они просто спрятались и ждут удобного момента, чтобы вызвать у меня сердечный приступ, – продолжала поддразнивать Евгения.

Комната была довольно просторной и уютной, благодаря стараниям Риты, а теперь еще и Жени. Шерстяной плед прикрывал старенький диван, как и разошедшийся паркет – плетеные коврики. Маленькие фонарики, развешанные под потолком, делали обстановку куда душевнее. Два внушительных фикуса в глиняных горшках, деловито растопыривших зеленые ветки, занимали два табурета.

Все ничего, но и здесь имелась своя ложка дегтя.

В самом углу комнаты большим темно-коричневым пятном выделялся деревянный шкаф.

Он казался Жене самым уродливым и вычурным из всех шкафов, которые она только видела. Его дверцы противно скрипели, а серебряная амальгама широкого зеркала потускнела и стала мутной. По бокам от зеркала изображался древнегреческий миф: страдающий Орфей протягивал руки к своей жене Эвридике, безвременно погибшей и обитавшей в царстве мрачного Аида. Деревянная поверхность самого шкафа покрывалась сетью мелких трещинок и потемнела.

Но куда более странным Жене казалось то, как он плотно стоял у стены, будто на треть врос в нее. Девушка решила, что прежде тут была ниша, в которую кто-то втолкнул громоздкий шкаф, чтобы освободить в комнате больше места.

Очевидно, что он прочно прирос к стене, и его, пожалуй, не сдвигали добрую сотню лет.

Рита, конечно, восторгалась им и ни за что бы не согласилась избавиться от подобной антикварной вещи, которую Женя называла «трухлявым хламом».

В нем хранились самые обычные вещи. Удивительно, насколько он казался древним снаружи и как хорошо сохранились его полки, перекладины и стенки внутри. Полированное дерево сохраняло свою гладкость и твердость без малейших признаков разрушения. Рита заботливо очищала шкаф от пыли, втирала лимонное масло, воск, пахнувший медом, и развешивала мешочки с лавандой.

Евгения искренне не понимала ностальгических вздохов сестры по ушедшим временам. Она была довольна, что родилась в современном мире и имеет возможность пользоваться благами и достижениями современной цивилизации.

А тут еще Рита, любовно протирая чертов шкаф, умудрилась пораниться о торчавший гвоздь в углу так, что из пореза вытекло несколько капель крови и упало на нижнюю стенку.

К изумлению Жени, сестра испугалась вовсе не вида крови, а того, что теперь пятно будет не отмыть. Бормоча проклятия, Женя потащила ее в ванну, где они как следует промыли ранку под холодной водой с мылом, а затем залили перекисью водорода.

Маргарита, пока сестра бинтовала ей руку, недоумевала, откуда в углу взялся гвоздь, которого там никогда прежде не видела.

– Сама виновата, – вздохнула она. – Наверное, от влаги древесина стала подвижнее, вот гвоздь и вылез. Надо же... Маленькая шляпка, и я ее не заметила.

– Это тебя научит перестать возиться с этой развалиной, – сердито проговорила Женя. – Продай его, а?

– Ты что! – Рита возмутилась. – Шкаф-то тут причем? Это я гвоздь не заметила. Может, мне только из-за него и захотелось тут поселиться. Он мне сразу понравился, понимаешь?

– Не понимаю, – отрезала сестра. – Вот подхватишь столбняк или еще какую заразу, будешь знать!

Однако, несмотря на опасения Жени, обошлось без воспаления, и ранка стала затягиваться довольно быстро.

Злосчастный гвоздь был немилосердно вколочен в деревянную поверхность молотком, замазан сверху быстросохнущим клеем и покрашен краской, подходящей по цвету. Получилось довольно неплохо. Рита не видела такого варварского обращения со своим любимцем, а когда заметила, то сестра убедила ее, будто сверилась со старинным справочником по ремонту антиквариата и сделала так, как там написано.

– И где же этот уникальный справочник? – спросила Рита, с подозрением разглядывая пятно в шкафу, чуть отличавшееся по цвету и фактуре.

– Сдала в библиотеку, – не моргнув глазом, ответила сестра. – Его нельзя долго на руках держать. Сама знаешь. Все будет хорошо, не переживай.

Рита поверила. К удивлению Жени. Она сразу вздохнула с облегчением, испытывая некое злорадное удовольствие, что по-своему поквиталась с этой уродливой развалиной, а робкие возгласы совести предпочла не слышать и даже пришла к выводу, что сделала все правильно.

Поднявшись на лестничную площадку четвертого этажа, Женя перевела дыхание.

Преодолевать подъем каждый раз все же лучше, чем ждать трясущийся лифт, который любил коварно заманивать людей в тесное пространство, а потом застревать на полпути. Да и для здоровья полезнее, если ты не столетняя старушка, конечно.

Она достала связку ключей, нарушая стоявшую тишину.

Пальцы нащупали нужный ключ, чтобы вставить в замок. Он довольно легко поддался, громко щелкнув, хотя видал и лучшие дни, как и массивная двустворчатая дверь с филенками. Бордовая краска на ней вздыбилась и кое-где отошла от деревянной поверхности.

Войдя в квартиру, Женя провела рукой по стене, ища выключатель. Загорелся неяркий свет, осветивший прихожую и тут она вскрикнула: на стуле в углу сидела Рита в мокром пальто и держала в руках пакет. С волос капала вода, стекая на пол.

– Ты чего это в темноте? – спросила Евгения. – Напугала меня.

Сестра не ответила, продолжая неподвижно сидеть, только взгляд чуть сместился куда-то в пол.

– Ты же вся промокла! Надо переодеться! Давно тут сидишь?

Она подошла ближе и взяла за руку:

– Ты вся ледяная! Так, ну-ка вставай. Расскажешь.

Женя проводила Риту в комнату, сбросила с нее пальто, повесив его сушиться на плечики, включила электрочайник и только потом сняла свою куртку.

– Что случилось? – спросила она, бегая от стола к холодильнику. – Набрось полотенце на волосы и в плед завернись. Вот так!

Та, наконец, подняла глаза и посмотрела перед собой.

– Мне такой сон приснился... – пробормотала она.

– Сон? – Женя чуть нахмурилась, вспоминая. Утром она убежала раньше, и Рита действительно еще спала. – Интересный?

Ее голубые глаза нетерпеливо сверкнули и встретились с другими – серыми и отрешенными.

– Страшный...

Евгения застыла с чашкой и недоверчиво покосилась на сестру.

– Ты из-за этого весь день такая?

Рита ничего не ответила, только натянула на себя плед, почти скрываясь под ним.

Похоже, на разговор она не была настроена. Лучше ее оставить в покое. Глядишь, в себя придет.

– Не думала, что ты такая впечатлительная. Потом расскажешь, значит. Отдыхай.

Но Рита не пожелала делиться тем, что увидела во сне. Правда, вскоре она заметно повеселела и совсем не вспоминала о своем кошмаре, а на все вопросы смущенно отшучивалась.

Да и кому не снились плохие сны? Женя довольно быстро забыла об этом, казалось бы, совсем незначительном событии.

Дни мчались быстро.

Учеба и работа поглощали большую часть времени, не давая возможности передохнуть.

Утром Женя бежала в кофейню на углу, где стояла за кассой до самого вечера, а дома штудировала учебники, готовясь к поступлению в физико-математический институт.

Рита изучала литературу на дневном и тоже подрабатывала, но только на дому, занимаясь переводами текстов. Несмотря на то, что интересы сестер различались, они умудрялись находить темы для общих бесед и мирно делить двадцать пять квадратных метров их комнаты.

Так когда же все успело измениться и полетело кувыркком? И так, что они сами этого не заметили?

Может, в тот вечер, когда расстроенная Рита сказала, что преподаватель по английской литературе вернул ей эссе, посоветовав переписать его заново?

Или нет.

Когда Женя впопыхах надела шапку сестры, опаздывая на работу, а та долго ее искала и потом дулась некоторое время?

Довольно смешная причина.

Но все-таки...

Что-то изменилось между ними, как и сама комната. Иногда воздух так и казался наэлектризованным. Зажжешь спичку – и тут же как полыхнет!

По вечерам Рита часто усаживалась в самый дальний угол комнаты, поближе к старому шкафу, подогнув ноги под себя, завернувшись в плед, будто все время мерзла. Читая книгу, она откидывалась в кресле, прижимаясь к спинке, непременно поднимала ее повыше, чтобы не было видно лица, и так сидела, замерев. Тишину нарушал только шорох переворачиваемых страниц и недовольное покашливание.

Так что Женя не сразу поняла, что происходит.

Поначалу она списывала все на хмурую осеннюю погоду и учатившиеся дожди, а потом и на приближающуюся сессию. Улыбка все реже появлялась на лице сестры, а круги под глазами становились все более заметными. Она могла застыть посреди комнаты, прислушиваясь к какому-то далекому звуку, а потом долго смотреть в стену, размышляя о чем-то своем.

Рита и прежде не была слишком общительной, но сейчас она просто замкнулась в себе и отвечала невпопад.

– Опять кошмары? – Женя обеспокоенно следила за тем, как неловко сестра складывает в рюкзак учебники.

Та коротко мотнула головой:

– Волнуюсь немного. Нужно многое успеть, понимаешь? – она криво усмехнулась.

Женя недоверчиво посмотрела на нее.

– Тебе нужна помощь? Только скажи.

– Ну нет, – рассмеялась Рита. – Я справлюсь.

Но день ото дня лучше не становилось. Она то и дело забывала, что говорила или куда положила свои вещи. То и дело что-нибудь роняла, под конец недели разбив горшок с любимым фикусом и две тарелки.

– Если так и дальше пойдет, у тебя не останется посуды, – Женя старалась быть дружелюбной, хотя поведение сестры начало настораживать. – Мне теперь придется остаться в твоей коммуналке, пока ты не придешь в себя.

– Даже не думай упускать хороший вариант, – возразила ей Рита. – У меня все замечательно, просто устала немного. Я ведь знаю, что тебе здесь не нравится.

– Мне не нравится то, как ты сейчас выглядишь, – парировала сестра. Она пыталась придать своему тону мягкость, но у нее не слишком получалось. – Почему не хочешь рассказать, что тебя на самом деле беспокоит?

В глазах Риты мелькнула тревога, но потом она натянуто улыбнулась и порывисто обняла Женю.

– Ой, ну перестань. Ты бываешь такой занудой...

Вот. Она всегда так говорила, когда не хотела продолжать разговор.

Сестра нехотя согласилась, но больше из желания не выпускать Риту из виду. Ей пришло в голову, что та нарочно что-то скрывает, не желая делиться тем, что ее тяготит. Женя решила, что следует поступить по-другому.

Нужно больше обратить внимание на то, как сестра будет вести себя.

Незаметно.

Но все опять пошло не так.

Проснувшись рано утром и встав с кровати, Женя едва не упала от внезапного головокружения.

– Это еще что? – пробормотала она и приложила ладонь ко лбу. К тому же противное першение в горле и внезапная слабость во всем теле заставили ее лечь обратно. Градусник показал 38,5 и Жене пришлось позвонить на работу: предупредить о плохом самочувствии. Там, ясное дело, не обрадовались и довольно сухо пожелали Евгении быстрее выздоровления.

– Черт знает, что такое, – испытывая чувство вины, девушка позвала сестру, извиняясь, попросила найти аспирин в аптечке. Правда Маргарита тут же возмущенно остановила поток

извинений и заявила, что не потерпит подобной чуши от близкого ей человека. Она тут же заварила для больной сестры целый графин шиповника, поставила рядом с кроватью банку малинового варенья и положила аптечку с лекарствами.

Сама же потом уселась в свое любимое кресло, чтобы время от времени поглядывать на Женю и быть готовой принести необходимое.

– Тебе надо много спать, Женечка! – с особым блеском в глазах проговорила Рита, то и дело подбегая к сестре. – Давай-ка выпей еще чашку!

– Близко не подходи! Неизвестно, что у меня, – прохрипела Женя с некоторой опаской.

– Ерунда! – отмахнулась Рита. – Есть хочешь?

– Нет. Только спать.

– Так бывает, когда болеешь, – прозвучал ответ. – Но не волнуйся. Надо проветривать помещение и поить тебя шиповником. И ты быстро поправишься! Отдыхай!

Выражение лица Риты не очень понравилось Жене, хотя та ничего плохого не говорила. И тон, с которым она это выпалила, был какой-то искусственный.

Ненастоящий.

Но сейчас ей и правда надо отдыхать.

Время шло какими-то рывками.

Приходя в себя ненадолго, Женя то и дело проваливалась в глубокий сон. Образы, что пронеслись перед ней, как легкие тени, не запоминались. Все смешивалось в лихой водоворот лиц и предметов, а затем исчезало во мраке.

На мгновение открывая глаза, Женя иногда видела над собой сестру. Она рассматривала ее не то с любопытством, не то с непередаваемым выражением, как никогда раньше.

– Пей еще... Пей...

Девушка послушно делала глоток из чашки и кислый вкус шиповника обволакивал язык и небо.

– А теперь спи... Спи...

И Женя снова падала на подушку без сил, навстречу темноте. Слышала тихие голоса, которые шептались прямо у нее над ухом: надоедливые и противные. Хотелось отмахнуться от них, но она продолжала лежать, не в состоянии противостоять им.

– Иди к нам... Побудь с нами... Не бойся...

Женя тяжело дышала. Ей не хватало воздуха.

Это сон?

Это реальность?

– Кто это? – она с трудом разжимала губы. Очень хотелось пить. В горле невыносимо жгло.

– Иди сюда... – шепот был настойчивым.

– Куда? – Женя не могла открыть глаза, чтобы посмотреть, будто кто-то заклеил их. – Я не могу...

Голоса зашушукались. Будто ветер пронесся над головой, трясая осенней листвой на деревьях.

А потом она начала проваливаться, словно гигантская воронка закрутилась вокруг и потащила вниз. Сопротивляться не получалось, поэтому она просто летела с умопомрачительной скоростью. И все это время темнота кружила вокруг, укутывая в свои бесстрастные объятия.

Чувство страха исчезло, уступив место безразличию.

Темный хоровод замер.

Женя вздрогнула, и веки ее затрепетали. С минуту она безучастно смотрела куда-то перед собой, тупо разглядывая низкий столик. Рядом равномерно тикали часы, возвращая мысли в настоящее.

Если бы не эти часы, в комнате было бы очень тихо.

Во всяком случае, девушке так показалось.

Она чуть шевельнулась и глубоко вздохнула, открывая шире глаза.

Так и есть – она лежит в своей постели. В комнате темно, только в углу горит маленький ночник.

Но что-то было не так.

Женя напрягла зрение и присмотрелась: перед шкафом стояла сестра, опутив руки вниз. Она смотрела на свое отражение, словно любовалась собой.

И тут Женю удивили две вещи.

Стройную фигурку Риты обтекала плотная красная драпировка, начиная от плеч, устремляясь вниз легкими складками. Волосы свободно падали вниз, подхваченные только тонким золотым обручем. Она выглядела как юная вакханка или греческая богиня. Образ странный, дикий и волнующий.

«Ты куда это так вырядилась?» – этот вопрос закрутился у Жени в голове, пока она смотрела на сестру, но он замер у нее на языке, потому что в следующее мгновение Рита резко обернулась, пристально глядя на Женю. Та замерла, прикрыв глаза, но сердце ее бешено забилося.

Девушка в красном какое-то время постояла, разглядывая, как она была уверена, спящую, а затем вновь обернулась к зеркалу, тихонько напевая.

Евгения чуть приоткрыла глаза. Дыхание участилось.

Рита расправила плечи, тряхнула волосами и шагнула вперед.

У Жени чуть не вырвался сдавленный вопль, но тут же замер где-то у нее в груди: там, где стояла сестра, сейчас никого не было!

«Какого черта???».

Она резко села, потрясенно глядя на старый шкаф. Что это было?

Голова закружилась. Лоб тут же сдавило раскаленными клещами.

Темнота снова понеслась навстречу.

На этот раз девушка приняла ее с благодарностью.

Женя шла среди золотистых колосьев.

Солнце пригревало по-сентябрьски ласково. В голубом небе носились птицы, словно играя друг с другом. Налитые колосья клонились к земле, и ветер то и дело гнал волны по бесконечному пшеничному полю. Девушка осмотрелась: эти поля и небо были ей знакомы. Она улыбнулась и пошла дальше, где на краю поля стоял кирпичный дом с высокой крышей.

От вида вишневого сада за невысоким белым забором и цветника защемило в душе. На скамейке, свернувшись калачиком, дремал пятнистый кот с черным ухом. Он шевельнулся, когда Женя подошла ближе, мурлыкнул и вытянул передние лапы, зевая, а затем снова замер.

Девушка поднялась по высоким ступеням на открытую веранду, где стоял накрытый белой скатертью стол. Пузатый медный самовар пыхтел, ожидая, что кто-нибудь уже наконец возьмет со стола голубую чашку и нальет туда кипятка. Тут же стояла вазочка с конфетами и крендельками. Женя протянула руку, чтобы взять конфету, как кто-то тронул ее за плечо.

Она обернулась и замерла.

На бабушке было ее любимое сиреневое платье и нитка белых бус, которые она надевала по праздникам. Лицо ее казалось светлым и открытым.

– Бабуля?

Женя удивленно смотрела на нее, не понимая. Они крепко обнялись и постояли немного, разглядывая друг друга.

– Как ты, девочка моя? – бабушка провела ладонью по внучкиным щекам.

Женя рассмеялась и ответила, что все замечательно. У нее есть работа и планы на жизнь, которые обязательно осуществляются.

Бабушка слушала и кивала. Но почему-то смотрела встревоженно, будто боялась чего-то.
– А где Маргарита?

Этот вопрос вызвал у Жени недоумение.

– Так она со мной, бабуль. Не волнуйся!

Бабушка поднесла руки к лицу так, что Женя увидела только испуганные глаза.

– Нет, девочка. Она не с тобой. Не с тобой.

Женя в недоумении уставилась на бабушку.

– Да нет же! Мы с Ритой живем вместе. Все хорошо!

Вокруг внезапно потемнело. Девушка в панике обернулась. Небо из голубого превратилось в черное, а сильный ветер ворвался на веранду, опрокинув вазу с цветами, отчего та упала на пол и разбилась вдребезги.

– Помоги ей, внученька... Помоги...

Бабушка бессильно уронила руки и повернулась спиной.

– Что мне делать? – с ужасом произнесла Евгения.

– Не отпускай ее... – раздался голос, становясь все тише.

Стало совсем темно, будто внезапно опустилась ночь. Ветер перевернул стол, отчего слетела скатерть и самовар с грохотом ударился о дощатый пол.

– О чем ты говоришь?

И снова сильное головокружение и чувство, будто она падает быстро вниз. В горле встал ком и дыхание словно замерло. В беспросветной тьме ничего не было видно.

– Женька!

– Я здесь! – девушка протянула руки, пытаясь поймать кого-то в темноте.

– Женя? – теперь голос стал звонким и очень знакомым. Ах, ну конечно! – Ты меня слышишь?

– Да, – уже спокойнее ответила девушка.

Блеснула полоска света. Она была неяркой, выплывая из тумана, но затем постепенно разрослась.

На столике горел маленький ночник, но даже его свет казался очень резким. Женя поморщилась.

– Ты как? – спросил знакомый женский голос. – Что болит?

Ответить на этот вопрос оказалось не так просто.

Женя пожала плечами и приоткрыла глаза.

Рита снова была собой.

Тот же высокий хвост собранных наверх волос, зеленый свитер и синие джинсы. Смотрит так же участливо, только без фальши. Никаких следов чего-то опасного и непонятного.

– Ночью у тебя была температура под 39, а то и выше, наверное, – Рита поджала губы. – Я уж не знала, что делать. Разве что скорую вызывать.

Женя фыркнула.

– Вот еще! Правильно сделала, что не вызвала.

– Ты под утро сильно пропотела, вот температура и упала. Это хорошо, – Рита счастливо улыбнулась. – Теперь пойдешь на поправку, только не вздумай никуда бежать, чтобы хуже не стало.

Сестра оказалась права.

Еще несколько дней Женя провела в постели, следуя ее советам. Темнота уже не подкрадывалась к ней внезапно. Не было того головокружительного ощущения падения в бездну. Она понимала, что происходит вокруг и старалась наблюдать за сестрой, незаметно присматриваясь к ней, но ничего странного так и не случилось.

«Точно! Я просто бредила», – решила Женя.

И все же...

Этот сон, где она увидела бабушку как живую, не отпускал ее, не давал покоя. Не говоря уже о безумном видении, где Рита шагнула в зеркало, будто в раскрытую дверь.

«Еще пару недель понаблюдаю за ней. И если все мои предчувствия окажутся вымыслом (а так оно и будет!), то я съеду из этой мерзкой коммуналки», – решила Женя.

Здравый смысл и логика говорили, что сквозь зеркала невозможно проходить. Это отрицают все законы физики. Во-первых, это обычная старая стеклянная пластина, покрытая серебром. Во-вторых, она врезана в деревянную поверхность шкафа.

Евгения множество раз осмотрела зеркало, но никаких следов того, что оно по-особому открывается, так и не обнаружила.

На первых порах девушки снова вернулись к нормальной жизни. Снова понеслись работа и учеба, не оставляя времени на отдых.

Но на исходе месяца Маргарита вновь начала проявлять признаки, которые уже предшествовали тем невероятным событиям. Снова эти круги под глазами, отрешенный взгляд, рассеянность и невнимательность. Очередная чашка выпала из ее рук и дополнила коллекцию разбитой керамики и стекла. Она плохо слушала то, что ей говорят, пребывая где-то глубоко в своих размышлениях.

Женя не придавала значения тому, как внезапно это началось. Но затем наткнулась на лунный календарь, сверилась с цифрами, и одна странная мысль пришла ей в голову.

Она заболела примерно на двадцать шестой календарный день прошлого месяца и тогда же увидела сестру в красном платье, и тот настораживающий сон.

Выходило так, что на один-два дня выпадало новолуние, которое снова приближалось.

Девушка фыркнула и от волнения принялась ходить по комнате.

Да разве это возможно? Как это связано?

Хотя, если подумать, может у сестры нервное расстройство и ее поведение зависит от фаз луны?

Нет, это все-таки бред.

Ну какое нервное расстройство наделяет людей из плоти и крови способностью проходить через зеркала?

Надо успокоиться.

Женя решила, что бы там ни случилось, ближайшие дни она глаз не спустит с Маргариты и будет сторожить ее по ночам, пусть даже для этого придется глотать стимулирующие препараты.

Конечно, Евгения не допускала возможности, что Рита в своем красном платье пройдет сквозь зеркало. Этого просто не может быть!

«Я только посмотрю... Хотя знаю, что это невозможно», – лихорадочно шептала Женя сама себе.

Но тем временем Рита продолжала чудить.

Придя после работы, Женя нашла ее у раскрытого настежь окна в майке и шортах. Известно, сколько та простояла здесь, но ее глаза смотрели в одну точку. Что там у нее еще на уме? Неужто прыгать собралась?

Бормоча проклятия, Евгения оттащила сестру подальше от окна и усадила на диван.

– Риточка, – она старалась, чтобы ласковый тон не выдал ее, – постарайся так не делать. Все-таки октябрь на дворе. Даже фикусы замерзли! Посиди тут пока, а я чай с бутербродами принесу. Вместе поедим, фильм посмотрим.

Рита сидела молча, не сопротивляясь.

– Ты за мной ухаживала, когда я болела, – продолжала Женя, – а теперь моя очередь. Давай-ка оденься потеплее.

Вскоре на столе появились две чашки горячего чая и тарелка с едой. Рита к бутербродам не притронулась, но чай выпила. Держа чашку и механически делая глоток за глотком, рассеянно отвечала на вопросы сестры, едва обращая внимания на скрытый смысл ее слов.

– Может, устроим выходной? Съездим за город? Как тебе идея?

Маргарита чуть пожала плечами.

– Если не хочешь за город, сходим в... музей? – предложила Женя и внутренне поежилась. Откровенно говоря, истории давно умерших людей, старинные интерьеры и портреты навевали на нее скуку. Но она потерпела бы.

– Чудесно, – равнодушно ответила Рита.

Судя по выражению лица, сейчас мысли о раритетах не так уж сильно ее вдохновляли. Но разве такое возможно?

Женя решила не сдаваться. Раз уж сестра не желала разговаривать, придется делать это вместо нее.

Она торопливо подливала чай, говорила за них обеих и пыталась рассуждать на совсем неинтересные для нее темы. Девушки просидели так до самого вечера, и тем для беседы уже не осталось, да и Женя порядком устала. Но она дала себе слово держаться, чего бы ей это не стоило.

Фильм закончился. На черном экране проплывали титры, но Рита не сводила с него глаз, не шевелясь, и только пальцы рук нервно подрагивали.

Неожиданно она резко повернула голову к Жене, и та чуть не отпрянула.

– Давай лучше спать, – ровным голосом произнесла она. – Мне вставать рано.

Женя внимательно посмотрела на нее.

– Почему бы и нет.

Она даже не стала раздеваться и просто легла, укрывшись одеялом, делая вид, что засыпает. Сердце ее стучало.

За холодильником в углу остался гореть ночник. Его тусклый свет слабо освещал комнату, но его хватало для того, чтобы видеть происходящее вокруг.

Рита тоже легла, и Женя видела ее тень. Она не двинулась ни разу с тех пор, как упала на кровать, будто уснула мертвым сном.

Женя едва дышала, наблюдая за темной тенью на стене.

Она не должна спать!

Ни в коем случае.

Сегодня она не уснет.

Часы тикали без остановки. Их равномерный звук разносился по комнате. От слабого сквозняка чуть-чуть колыхались шторы. Смутные тени дрожали, нагоняя непонятную тревогу.

Не спать...

С улицы доносились знакомые звуки города. Это немного успокаивало. По сравнению с тем, что было в этой комнате, Женя хотя бы точно могла сказать, что происходящее за окном – вполне закономерно и предсказуемо.

Возможно, прошел час или два.

Женя усиленно сопела, изображая из себя спящую, впрочем, стараясь не переусердствовать, чтобы это выглядело правдоподобно. Иногда она чуть громче вздыхала и чуть поворачивалась, не отводя взгляда от кровати сестры, и снова сопела.

И тут...

Тень на другой кровати сместилась. Маргарита медленно выпрямилась и села, поправляя волосы. Затем скрипнул паркет. Она встала и прошла по комнате.

Женя замерла, волнуясь, что стук сердца выдаст ее, и старалась задерживать дыхание, но от этого становилось еще хуже. Ужасно хотелось вдохнуть поглубже, но она сдерживалась, боясь, что сестра это заметит.

Но та приблизилась к холодильнику, взялась за ручку, замерев на мгновение, а потом распахнула дверцу, чтобы достать минеральную воду. Какое-то время она жадно пила, пока не утолила жажду, захлопнула холодильник и прошлепала босыми ногами обратно, укладываясь в постель.

Больше Рита не шевелилась до самого утра.

Перед глазами все плыло.

Выпив третью чашку крепкого кофе, пришлось остановиться.

Женя едва стояла на ногах, боясь упасть прямо перед посетителями кофейни. Иногда она уходила в подсобку, чтобы надавать себе по щекам и хоть как-то взбодриться, или множество раз умывалась холодной водой, цепляясь за раковину.

«Черт знает что...» – эта фраза постоянно проносилась в ее голове. Когда она уходила утром, сестра еще спала сладким сном.

Везучая.

Сама Евгения так и не сомкнула глаз до рассвета, хотя ей отчаянно, дико хотелось спать. Она буквально считала минуты до того момента, когда пришло время идти домой.

Ноги так и подгибались, когда она вызвала лифт, изменив своему привычному правилу подниматься пешком наверх. Кнопка ее этажа западала, но Женя знала, что нужно нажать посильнее. Лифт противно скрипел и дребезжал, но сейчас было не до этого.

Рита, как ни в чем ни бывало, сидела у компьютера в наушниках и что-то напевала себе под нос. Женя поймала себя на мысли, что бодрый вид сестры раздражает, но постаралась тут же отделаться от этого чувства. Она подошла ближе и положила руку ей на плечо.

Та вздрогнула и вся словно окаменела, а потом резко обернулась. На лице мелькнула тень злости, даже ненависти, но сразу пропала, уступив место принужденной улыбке.

Женя даже оторопела, не ожидая такой реакции.

– Все хорошо? – весело поинтересовалась Рита.

– Да, – выдавила сестра. – Устала просто.

– Так отдохни, – беззаботно выпалила Рита и снова отвернулась, уткнувшись в компьютер.

Расспрашивать ее о чем-то не было сил. Да и желания тоже. Хотелось рухнуть на постель и ни о чем не думать.

Отключиться было делом совсем нетрудным. Стоило коснуться подушки, как темнота понеслась навстречу. Сон был уютным и глубоким, будто она нырнула в море на самое дно, где тихо и спокойно. Где не нужно следить за кем-то, додумывать, переживать.

«Помоги ей, внученька...» – встревоженный, еле слышный голос раздался совсем рядом.

Покой оказался нарушен.

«Помоги...».

Женя открыла глаза.

Ночь уже завладела городом. Девушка сощурила глаза и присмотрелась к будильнику. Стрелки показывали половину двенадцатого. Она чуть потянулась и заворочалась, разминая мышцы, а потом ее взгляд упал на кровать сестры.

Знакомой тени не было.

Женя чуть приподнялась на локтях, но тут же упала на постель, испугавшись. Из-за вешалки с одеждой показалась сестра. Она двигалась плавно, размеренно. Будто танцевала.

Потом Рита взялась кончиками пальцев за край платья ярко-красного цвета и покружилась, любуясь отражением в зеркале.

«Какого...».

Раздался тихий мелодичный смех, совсем непохожий на обычный смех Риты. Когда ей становилось смешно, она заливисто хохотала вовсю, откидывая голову назад. А эта девушка в красном платье вела себя не как прежняя Рита.

Евгения затаила дыхание, напрягая зрение.

«Только попробуй...».

Сестра, вальсируя, приблизилась к зеркалу вплотную и как-то хищно улыбнулась, глядя на себя.

– Я иду, – нежно проговорила она.

В следующее мгновение произошло то, чего так опасалась и во что отказывалась верить Женя. Блестящая серебристая поверхность еле всколыхнулась, отчего по ней пробежали волны, а потом Рита начала погружаться в переливающуюся зеркальную воду.

Потрясенная Женя, открыв рот, еле сдерживая крик, наблюдала за тем, как тело Риты плавно сливается с дрожащим зеркалом. Спустя несколько секунд мелькнул только кончик красного платья и пропал.

Женя свалилась с кровати, опрокидывая столик, и метнулась со всех ног к шкафу. Ее пальцы бессильно скользнули по его холодной поверхности. Никаких следов того, что зеркало могло становиться подвижным, как ртуть!

Девушка сжала кулаки и ударила по нему, издав глухой крик, глядя на свое искаженное лицо в отражении.

Да как же это возможно?

Поверить в происходящее было нелегко, но пришлось. Хотя здравый смысл всячески протестовал.

Одна и та же галлюцинация дважды?

Нет. Это уж слишком.

Женя снова ощупала все зеркало. И давила на него, и толкала. Но все напрасно.

Старый шкаф не желал открывать свой секрет.

– Ладно, – сказала девушка вслух со злостью. – Мы еще посмотрим.

Понаблюдав за сестрой, Евгения пришла к определенным выводам.

Рита исчезала в зазеркалье в каждое новолуние. Настроение ее тоже менялось, будто сама луна напрямую на нее воздействовала. Перед новолунием она становилась вялой и рассеянной, но после снова приходила в себя, словно возрождаясь. Точно как молодой месяц на небосклоне.

«Как же, черт возьми, это связано с зеркалом? Что происходит там, в зазеркалье?»

Этот вопрос сводил с ума.

Мысли о переезде давно покинули ее. Бросить сестру одну она не могла.

Жене отчаянно хотелось поговорить с Ритой по душам, расспросить обо всем. Почему та не хочет открыть свою тайну сама? Каждый день она репетировала фразы, которые, по ее мнению, могут помочь правильно начать разговор. Но всякий раз, как только она думала, что заговорит с сестрой, смелость покидала ее.

Что, если Рита настроится против нее?

Как поведет себя, если Женя признается в увиденном?

Приближалось очередное новолуние, и она не могла успокоиться, глядя на сестру, бродившую, словно лунатик.

– Риточка, – окликнула она ее. – Скоро твой день рождения. Я присмотрела одни серьги красного цвета. Зайдем завтра в магазин?

Маргарита, чуть приподняв плечи, замерла посреди комнаты.

– Не люблю красный, – глухо пробормотала она.

– Ах да! Прости, пожалуйста, – наигранно произнесла Женя. – Там еще есть другие! Мне очень хочется, чтобы они тебе понравились. Ну? Договорились?

Рита вяло кивнула и уселась в кресло.

– Хочу почитать, – объявила она, намекая, чтобы ее не беспокоили.

И вот так всякий раз, когда они заговаривали о чем-то, что ей не нравилось.

– Без проблем, – сладким голосом пропела Евгения.

«Как же... Не любит она красный... Мне-то можно не рассказывать».

За день или два до новолуния Женя плохо спала. Она знала, что Рита вот-вот снова войдет в зеркальную гладь, а потом, будто ничего и не было, снова станет собой.

И что же это?

Она намерена так всю жизнь по зеркалам бегать?

Еще неизвестно, чем это ей грозит.

А еще Маргарита начала худеть. Это вовсе не походило на модное стремление выглядеть стройной и соблазнительной. Нет. Ее худоба приобретала болезненный вид. Обострились скулы, впали щеки. О ключицы, наверное, можно было поцарапаться.

Рита таяла, как свеча, и никакой здравый смысл не мог объяснить, отчего это происходит.

– Рит?

– Что? – снова этот равнодушный тон.

– Хочешь мне что-нибудь рассказать? – Евгения старалась, чтобы голос прозвучал жизнерадостно.

– Нет. Почему спрашиваешь?

– Мне кажется, ты чем-то расстроена в последнее время и, – Женя замялась, – слегка похудела. Что тебя гложет?

Рита сильнее запахнула на себе серый кардиган и спрятала голову в плечи.

– Да я не настаиваю, – продолжала сестра. – Но волнуюсь.

– Поверь, повода для волнений нет. У меня все отлично. Кстати, ты нашла себе квартиру? Помню, что тебя коммуналки раздражают.

– Так было, но я немного привыкла. Все не так и плохо. К тому же не нашла подходящий вариант.

– Вот как?

Ей показалось или в голосе Риты прозвучал сарказм?

Евгения вздохнула.

– И выглядишь неважно, – осторожно произнесла она, но глаза Риты тут же вспыхнули гневом.

– Извини, – примиряюще подняв руки, сказала Женя. – Ты всегда можешь поговорить со мной, ты же знаешь. Мы сестры и все такое. Да?

– Да, – коротко ответила Рита.

Разговор был окончен.

Озарение снизошло на Женю в тот час, когда первый снег стал ложиться на сонный город.

Ей выпало работать в первую смену. В это время большинство людей спят, валяются перед экранами телевизоров или неторопливо шлепают в тапках на кухню.

С одной стороны, ей нравилось, что она открывает пустое кафе и еще минут двадцать наслаждается тишиной. Включает кофейный аппарат, протирает чашки, аккуратно раскладывает выпечку на прилавок. С другой, когда заведение наполнялось посетителями, она наблюдала с удовольствием за ними, делая о них определенные выводы. Были тут и постоянные покупатели и она почти никогда не ошибалась с тем, что же они выберут прежде, чем произнесут, скажем:

– Латте, пожалуйста!

– Американо и круассан.

– Капучино без сахара.

И так далее.

Когда она устраивалась сюда, над сестрой еще не тяготело это странное, необъяснимое проклятие и один день походил на предыдущий. Евгения не переживала из-за этого. Предсказуемость вполне устраивала. Она любила знать, что все идет по четкому плану, но теперь уже третий месяц жила с ощущением непостижимости бытия.

Все, во что верила девушка, в том числе в мироустройство, терпело болезненный крах.

Самое страшное, что она не могла с кем-то поделиться этим, и ей в одиночку приходилось справляться с шокирующей правдой, какой бы невероятной она ни казалась. Женя всегда твердо доверяла лишь логике и порядку. Любой хаос или то, чему нельзя было дать четкого определения, безжалостно критиковалось. Она никогда не испытывала склонности к мистицизму, не попадала под очарование старых рассыпающихся особняков, старинных фотографий, портретов. Пожалуй, она и в Бога то не верила, ведь ей никогда не доводилось его видеть.

Так что ломка стереотипов превратилась в довольно мучительный и изматывающий процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.